

«Создатель характеров глубоких и ярких»

Выдающийся мастер советской сцены, народный артист СССР Николай Дмитриевич Мордвинов начал свой большой творческий путь в одном из малоизвестных драматических кружков захолустного уездного города. Еще в те далекие годы почитатели театра города Ядрина восхищались пленительной игрой своего земляка. Увлечение искусством привело его на сцену столичного театра.

Формирование характера и таланта Н. Д. Мордвинова вот уже многие годы проходит в творческом коллективе театра имени Моссовета. Деятели советского искусства по праву называют его артистом многогранного таланта. Им создана галерея трагических образов мирового репертуара. Трудящиеся Чувашии горячо поздравляют своего знатного земляка с присуждением ему Ленинской премии.

Сегодня мы рассказываем о творческих вехах лауреата Ленинской премии Н. Д. Мордвинова.

КОГДА актер выступает в роли чтеца, он как бы остается наедине со слушателем и зрителем. Он говорит просто, доверительно, открыто. Он близок вам по-особому — дружески, человечески. Только слово — слово художника, только жест — скупой, почти неподчеркнутый... И вы покорены, взволнованы, вы всякий раз словно присутствуете при чуде — чуде, когда творческая личность исполнителя заново создает, рождает образ, который встает перед зрителем — обновленный, яркий, будто впервые увиденный.

Так воспринимаешь Николая Дмитриевича Мордвинова на эстраде. Сколько бы раз вы ни встречались с артистом в спектаклях Академического театра имени Моссовета, на экранах кино, как бы досконально ни знали его репертуар — всякая новая встреча

с Мордвиновым на эстраде — открытие.

А ведь как будто все обыденно, все привычно: высокий, стройный человек выходит из эстрады. У него крупные черты лица, венчик седых волос, черные крылатые брови. Он начинает говорить — так говорят с друзьями: спокойно, улыбаясь, иногда чуть запинаясь, подыскивая слова.

Таков Николай Мордвинов на эстраде. Таким мы видели его совсем недавно — на одном из вечеров в честь 20-летия великой победы в Москве, в Доме актера. Он говорил о своей давней связи с военной темой — ведь начиная с первых своих шагов артиста-профессионала, Мордвинов создал галерею образов людей, чьей судьбой стала война...

Об этом и вспомнил Николай Мордвинов, перечисляя свои старые роли. Поручик Соболевский в «Простой вещи» Бориса Лавренен-

ва — кадровый военный, монархист, врач — хитрый и умный, яростно ненавидящий восставшую «чернь». Яровой в «Любови Яровой» К. Тренева — роль того же плана. Председатель подпольного ревкома Ваграм в пьесе Л. Первомайского «Ваграмова ночь» — один из первых образов вожаков революции, выдвинутых ее создательской силой... И уже, конечно, отсюда, от одного из первых на советском театре образов солдата революции идет путь Мордвинова к характерам ярким, незаурядным, глубоким. Таким, как Богдан Хмельницкий в фильме Игоря Савченко того же названия.

«Мне хотелось», — писал тогда Николай Дмитриевич, — создать образ героя, овеянного романтикой, опоэтизированного народом, воспетого в чудесных украинских думах и сказаниях, образ суровый, сказочно красивый, по-сегодняшнему живой». Все, кто ви-

дел, кто помнит эту картину, должны согласиться с тем, что взыскательный художник достиг поставленной перед собой цели.

Еще более сложные задачи ставила перед Мордвиновым каждая новая роль — Котовского в кинокартине А. Файнциммера и генерала Огнева в пьесе А. Корнейчука «Фронт», показанной театром имени Моссовета в 1942 году. Как непохожи эти два образа! Герой гражданской войны, смелый до дерзости, необузданный, порой действующий анархически, стихийно, Котовский и собранный, волевой, мыслящий талантливо, по-своему генерал Отечественной войны Огнев. Николай Мордвинов сумел найти и подчеркнуть в этих двух, таких несхожих друг с другом характерах не только все, что отделяет их друг от друга, но и то, что их роднит — лучшие черты людей, мужество, самоотверженность, близость к народу.

Да, характеры подлинно народные, сильные, своеобразные — вот главное направление творческих поисков Николая Мордвинова. Это ощущаешь, когда он читает рассказ Алексея Толстого «Русский характер», — рассказ, запомнившийся и полюбоившийся артисту еще в годы Великой Отечественной войны, рассказ, с которым он выступал тогда в десятках госпиталей, лазаретов, иногда перед десятками бойцов, еще дышавших запахом недавнего боя, иногда — перед одним тяжело раненым...

— Вот тогда я и почувствовал вполтную магическую силу слова, силу его воздействия на людей, — вспоминает Николай Дмитриевич. — Рассказ Толстого — это

гимн русскому человеку, красоте его души, его характеру. Я читал его и думал о том, что черты, свойственные Егору Дремову, в той же мере присущи многим из тех, кто сражался за родину. Я читал его и ощущал: рассказываю свое, родное, кровное, о родном и кровном... Я — волжанин, детство провел на берегах Волги и ее притока — Суры, и мне особенно дорог и близок силой духа, самоотверженностью, широтой натуры герой рассказа Толстого — танкист Дремов, тоже волжанин, коренной русский человек...

Может быть, в этой близости Мордвинова к людям героического склада тайна его воздействия на нас, зрителей? Разве не ощущаем мы этого пристрастия актера почти в каждом его творении? Отелло и король Лир в трагедиях Шекспира — образы масштабные, крупные, впечатляющие сплавом интеллекта и силой человеческих страстей.

Всю жизнь Николай Дмитриевич влюблен в поэзию Лермонтова. Он знает и читает все его поэмы, он с 14 лет наизусть помнит «Демона».

— В те годы я не мечтал стать актером, никогда не пытался читать Лермонтова людям, — вспоминает артист. — Но когда оставался один — в лесу, в лугах, на высоком берегу Волги, возле тихой и уютной Суры, я читал его, вслушиваясь в музыку стиха, в кованные ритмы, проникаясь из удивительным звучанием.

И разве не подвигом можно назвать четвертьвековую работу Мордвинова над героем «Маскарада»? Казалось, уже в первом своем воплощении — кинодраме С. Герасимова «Маскарад», со-

зданной в 1941 году, было найдено главное, на чем имел право успокоиться взыскательный художник. Арбенин тех лет — трагически одинокий, наделенный недюжинным умом и талантом, презирующий суету «Маскарада» — общества, к которому он принадлежал по рождению...

И все-таки Мординов не считал работу завершенной. Он вернулся к своему Арбенину спустя 10 лет, в 1952 году, когда театр имени Моссовета впервые поставил «Маскарад». 300 раз сыграл артист любимую роль. И сейчас, через десятилетие, когда Ю. Завадский вновь вернулся к драме Лермонтова, по-новому прочитав ее, Мординов снова ищет, пробует, вновь открывает в своем Арбенине новые черты, новые глубины, новые, еще неподнятые прежде пласты мысли и чувства.

— Меня увлекает могучий интеллект Арбенина, способность целиком отдаться поглотившей его страсти, его неприятие холодного и пустого света, — говорит Н. Д. Мординов. — Зрителя особенно волнует в нашем спектакле гражданственность прочтения драмы. Ее я и стараюсь подчеркнуть в моем сегодняшнем Арбенине. Она стала главной чертой его характера — пламенная гражданственность, боль за судьбу «распятого поколения», чьи силы были растрачены попусту...

— Редко поэту удается подняться до высот подвига народного, — говорит Н. Д. Мординов. — Лермонтов совершил такой подвиг. Поэт оставил нам свое наследие, которое и по сей час является могучей и великой силой.

...Длинен, сложен, труден путь к высокому мастерству. Это по-

нимаешь, слушая Николая Дмитриевича. Он вспоминает свою работу над Отелло. Казалось бы, легче всего искать, отталкиваясь от черт, сближающих разные характеры, разные образы. Мординов работает иначе — он в первую очередь находит и подчеркивает несхожесть. Так было с Отелло и Арбениным — людьми, ослепленными ревностью.

— Мой, путь к образу можно объяснить одним примером, — вспоминает Николай Дмитриевич. — В Польше, во время гастролей, я попытался овладеть подлинным оружием мавра — мечом. Какой крепкой, какой сильной руки потребовал меч! А руки Арбенина — руки игрока: он должен наощупь чувствовать карты! Отсюда и разница в толковании образа. От внешнего — к внутреннему, от жеста — к существу — так приходится работать нам, актерам...

Сегодня Н. Д. Мординов заново думает о своем Арбенине. Академический театр имени Моссовета едет в Париж, в Театр наций, где покажет лермонтовский «Маскарад». Как донести до людей, не знающих языка, могучий поэтический дар 20-летнего поэта? Как сделать понятной и близкой им драму человека «распятого поколения»? Об этом — все мысли Мордвинова, этим он занят сейчас.

А в дальнейшем? Конечно же, Николаю Дмитриевичу хочется создать образ современника, равный его любимым ролям — Отелло, Арбенина, Лира. Дело за пьесой, которая расскажет зрителям о таком человеке — человеке 60-х годов нашего времени...

Т. СТРЫКОВСКАЯ.
Москва. (Корр. ТАСС).